

Возглас Ли Цинвэня мгновенно привлек внимание прохожих; в их глазах читалось не только любопытство, но и настороженное осуждение.

Двое каторжан, подхватив бесчувственного Цзян Цуна, побрели дальше под окрики конвоиров. Юноша, не смея больше приближаться открыто, последовал за ними в отдалении, однако путь ему преградил один из стражников, угрожающе обнажив клинок.

— Пытаешься помешать властям исполнять долг? Жить надоело?!

Ли Цинвэнь замер на месте, но отчаяние придало ему смелости.

— Прощу вас, господин стражник! — воскликнул он. — Скажите, этот человек... Брат Цзян... он ранен?

Узник, ответивший ему мгновением ранее, бросил на парня короткий взгляд и хрипло, надтреснуто проговорил:

— Нас гонят в ссылку, в Пограничный город... Несколько дней назад на Цзян Цуна напал дикий кабан, распорол ему ногу. Мы идем без остановок, рана загноилась, горячка сжигает его изнутри. Не знаю, сколько он еще протянет... Парень, если хочешь увидеть его живым, поспеши...

Голос арестанта затихал вдали. Ли Цинвэнь рванулся было вперед, но тяжелая ладонь, опустившаяся на его плечо, заставила его остановиться.

— Сынок, не гневи стражу, — раздался над ухом спокойный, но суровый голос Ли Цинжуйя.

Младший брат обернулся, и в его глазах стояли слезы.

— Старший брат! Брат Цзян... он при смерти!

Ли Цинжуй, помрачнев, провожал взглядом колонну каторжан.

— Я видел, — коротко отозвался он. — Не паникуй. Возвращайся в лавку к матушке и снохе, а я всё разузнаю и приду за вами.

Если бы они оба сейчас скрылись в толпе, матушка Чэнь, не найдя их на месте, могла не на шутку перепугаться. Ли Цинвэню стоило великих трудов унять дрожь в руках.

— Хорошо, брат. Береги себя.

Проводив Ли Цинжуя взглядом, Ли Цинвэнь схватил племянника за руку и поспешил назад. У лавки тканей их уже ждали встревоженные матушка Чэнь и госпожа Цзян.

Женщина только что закончила торговаться с приказчиком, выгадав несколько медяков, и была в добром расположении духа, но, увидев бледное лицо младшего сына, тут же осеклась.

— Сынок, что стряслось?

Юноша сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Матушка, я... я видел брата Цзяна.

— Где он?! — радостно воскликнула она.

Ли Цинвэнь почувствовал, как горло точно ватой забило.

— Он... — с трудом выдавил он, — он в кандалах. Под стражей. Весь изранен... Его ссылают в Пограничный город.

Матушка Чэнь и госпожа Цзян застыли, точно громом пораженные. Пограничный город? Они даже не представляли, где это, знали лишь, что это край света, откуда не возвращаются.

— Старший брат пошел разузнать подробности, — продолжал юноша. — Мы должны дождаться его здесь.

Госпожа Цзян, снедаемая беспокойством, не решалась проронить ни слова, боясь еще больше расстроить свекровь. Матушка Чэнь, не находя себе места, мерила шагами мостовую, то и дело причитая:

— Хоть я и не видела нашего благодетеля, отец ваш сказывал — честнее человека не сыскать. Разве мог тот, кто спас незнакомцев ценой собственной жизни, совершить злодеяние? Здесь наверняка какая-то ошибка... Его оклеветали, не иначе! — Она ломала пальцы, пытаясь убедить в этом прежде всего саму себя.

Ли Цинвэнь пытался утешить мать:

— Матушка, подождем брата. Может быть, всё еще можно исправить...

Ли Цинфэн порывался было отправиться на поиски Ли Цинжуя, но матушка Чэнь не пустила

его, опасаясь, что в сутолоке они разминутся и беды станет еще больше.

Ожидание тянулось бесконечно. Лишь спустя добрых четверть часа Ли Цинжуй наконец показался в толпе. Он бежал, и, несмотря на холод, его лоб блестел от пота.

— Стража увела их в ямэн для сверки и проверки документов. Завтра на рассвете колонна двинется на север, — заговорил он, едва переводя дух. — Сейчас их заперли в темнице. Я подкупил стражника, он обещал тайком пропустить нас, но нужно спешить!

Подхватив сына на руки, Ли Цинжуй стремительно зашагал вперед.

— Сначала — за лекарем!

Всей семьей они добежали до аптеки «Зал Возвращения Весны». Ли Цинчжо, в этот момент старательно протиравший серебряные иглы, вздрогнул, увидев столько родных в таком отчаянии. Дурное предчувствие кольнуло его сердце.

Когда Ли Цинвэнь вкратце поведал о случившемся с Цзян Цуном, Ли Цинчжо смертельно побледнел. Он резко обернулся к учителю:

— Учитель...

Лекарь Люй, слышавший весь разговор от начала до конца, без лишних слов поднялся с места.

— Ведите.

Тюрьма уезда Люшань располагалась позади здания ямэня. Когда они подошли к черному входу, стражник, только что получивший серебро от Ли Цинжуя, недовольно нахмурился:

— Это же не семейное свидание! Столько народу не пуцу. Максимум — трое.

Лекарь Люй и Ли Цинчжо были необходимы для помощи, а Ли Цинжуй, как старший, должен был представлять семью. Ли Цинвэнь, видя, как брат колеблется, взмолился взглядом, и тот, сунув стражнику еще несколько монет, добился, чтобы пропустили и младшего.

Темница встретила их низкими сводами, могильным холодом и невыносимым смрадом, который становился всё гуще по мере продвижения вглубь. Отовсюду доносились стоны и хриплые проклятия. Четверо мужчин шли за конвоиром, не смея смотреть по сторонам.

В самом дальнем, темном углу стражник остановился.

— У вас всего четверть часа. Не вздумайте задерживаться, — бросил он, отпирая тяжелую дверь.

Ли Цинжуй и Ли Цинвэнь первыми вошли в камеру. В полумраке едва виднелись очертания людей, сидевших прямо на грязной соломе. И тут раздался хриплый голос:

— Вы к Цзян Цуну?

— К нему! — поспешно отозвался Ли Цинжуй. — Мы привели лекаря. Нужно скорее осмотреть его.

Раздался лязг цепей — товарищи по несчастью подтянули бесчувственного Цзян Цуна к самому выходу.

— У него много ран, — проговорил один из узников, — но хуже всего с правой ногой.

Лекарь Люй опустился на колени. Стоило ему приблизиться, как в нос ударил тяжелый запах гниющей плоти. Взглянув на запущенную рану, старик сурово нахмурился.

В слабом свете, падавшем из крошечного оконца под самым потолком, Ли Цинвэнь увидел лицо раненого. Грязь не могла скрыть печать невыносимой боли, исказившую черты. Дыхание его было прерывистым и обжигающим — горячка терзала его уже не первый день.

— Плохо дело. Здесь слишком темно, я не смогу обработать рану, — произнес лекарь Люй, поднимаясь. — Нужно перенести его в более светлое место.

Ли Цинжуй тут же вышел к стражнику и, отнеся поклон, незаметно вложил в его руку увесистый слиток серебра. Ощувив приятную тяжесть металла, тюремщик недовольно цыкнул, но ворчливо разрешил:

— Вытаскивайте его, да живо!

Трое братьев, объединив усилия, вынесли Цзян Цуна на свет. Лекарь Люй решительно разрезал штанину, обнажая страшную рану. Плоть была разворочена, нагноение пошло глубоко, сочась желтоватым сукровищем. Без должного ухода воспаление достигло критической точки.

Ли Цинвэнь, не в силах смотреть на это, отвернулся, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Очистив края раны, Ли Цинчжо достал сосуд с крепким вином и начал обильно промывать пораженное место. Такое воздействие должно было причинить неистовую боль, но Цзян Цун

был в столь глубоком беспамятстве, что лишь едва заметно вздрогнул.

Этот признак не на шутку встревожил лекаря Люя. Лицо его сделалось суровым и сосредоточенным. Прокалив нож над пламенем светильника, он начал осторожно иссекать омертвевшую, тронутую гнилью плоть.

Ли Цинвэнь, стараясь быть полезным, смачивал чистую ткань вином и бережно обтирал лицо, руки и стопы Цзян Цуна, надеясь хоть немного сбить жар. Чистота тела была залогом исцеления.

Ли Цинжуй, понимая, что в лечении он не смыслит, отошел к камере, чтобы расспросить того человека, который заговорил с ними первым.

Мужчину звали Цзян Липин. Как и другие узники в этой камере, он служил в Седьмом охранном батальоне Центральной стражи округа Сицзян провинции Хунчжоу. До того, как на них обрушилась опала, Цзян Липин занимал должность сянцизе сяовэй, а Цзян Цун был фу сяовэй.

— Нам было велено сопровождать караван с подношениями в столицу. В пути внезапно вспыхнул пожар... Несколько тысяч рулонов драгоценного шелка обратились в пепел, — даже спустя месяцы голос мужчины дрожал от горечи. — Огонь перекинулся на дары из провинции Хунчжоу, что хранились на почтовой станции. Убытки были неисчислимы. Весь батальон признали виновным... Лишь милостью двора нам сохранили жизнь, заменив казнь ссылкой в Пограничный город.

Ли Цинжуй замер в оцепенении. Он и представить не мог, какая страшная беда постигла их спасителя.

<http://bllate.org/book/15828/1435507>